

УДК 130.2+168.522

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-4\(9\)-306-318](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-4(9)-306-318)

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ СВЕТЛАНЫ ЛЮТОВОЙ «ВОЛОШИН И ЦВЕТАЕВА: ОТ МЛАДОСИМВОЛИЗМА К ПОСТМОДЕРНУ»

Сергей Маленко,
Новгородский
государственный
университет
им. Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия).

Sergey Malenko,
Yaroslav-the-Wise Novgorod
State University
(Veliky Novgorod, Russia).

ORCID: 0000-0003-4828-0171
e-mail: olenia@mail.ru

Андрей Некита,
Новгородский
государственный
университет
им. Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия).

Andrey Nekita,
Yaroslav-the-Wise Novgorod
State University
(Veliky Novgorod, Russia).

ORCID: 0000-0002-9254-2901
e-mail: beresten@mail.ru

Для цитирования рецензии:

Маленко, С. А., & Некита, А. Г. (2024). Рецензия на монографию Светланы Лютовой «Волошин и Цветаева: от младосимволизма к постмодерну». *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 4(9), 306-318. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-4\(9\)-306-318](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-4(9)-306-318)

«Но моя река – да с твоей рекой,
Но моя рука – да с твоей рукой».
[Цветаева, без даты]

Обложка монографии

С. Н. Лютова

Актуализация смысловых спектров юнгианской культурологии в XXI веке является знаком кардинальной трансформации современного социокультурного пространства, наконец-то освободившегося от прессинга классических рационалистических моделей интерпретации природы человека. Вполне возможно, что именно эти процессы во многом повторяют ситуацию, с которой ранее уже сталкивалась Западная Европа в конце XIX века. Громогласно и пророчески объявленная в Фридрихом Ницше в его «Веселой науке» (1881-1882 гг.) «смерть Бога», в дельнейшем, безусловно, крайне своеобразно преломилась в целой череде постмодернистских идей: «смерти субъекта», «смерти автора» и, в конце концов, окончательной символической (но, увы, и не только символической!) «смерти» и самого человека как наиболее дерзновенного из божественных созданий.

Как показало время, Россия также не осталась в стороне от ведущих культурных и цивилизационных трендов, активно генерируемых европейским пространством. Рецензируемая работа как раз и посвящена установлению соответствий между идейной эволюцией архетипической теории и эстетико-культурологическими поисками выдающихся отечественных представителей Серебряного века (Андрей Белый, Максимилиан Волошин, Марина Цветаева). По признанию автора монографии в этом случае «в фокусе анализа – связующие модернизм и постмодерн <...> тенденции творчества двух русских поэтов Серебряного века – Максимилиана Александровича Волошина и Марины Ивановны Цветаевой» [Лютова 2024: 10].

Указывая на уникальность мифосимволической, поэтической и гражданской миссии Марины Цветаевой, Светлана Лютова трепетно указывает на тот неоспоримый факт, что в своем многогранном поэтическом творчестве сама великая поэтесса, «как и М. Волошин – в публицистике зрелых лет, дерзнула осязать глубинные течения русской и в целом европейской культуры. Тем самым поэты пробросили мост между эпохой Синей Птицы, из которой выросли, и радужной эпохой Птицы Феникс, птенец которой – уже при их жизни, в их творчестве – проклюнулся на пепелище прошлого» [Лютова 2024: 10].

Первая часть монографии посвящена символично-архетипическому исследованию причин кризиса европейской культуры на этапе ее рокового исхода из модерна. Показательно, и это специально отмечает автор рецензируемой монографии, что

даже в то непростое для страны время философию символизма, которая прошла крайне тяжелый этап своего зарождения, и которой предстояло стать не только очередной и не только «проходной» эстетической доктриной, но уже самостоятельной парадигмой предстоящего культурного развития, как «воспринимали в муках рождаемую новую философию символизма Б. Бугаев (Андрей Белый), Вяч. Иванов, Л. Кобылинский (Эллис). То же можно сказать и о философии архетипического психоанализа, оформившейся в трудах К. Г. Юнга и его последователей» [Лютова 2024: 12]. Таким образом, в монографии Светланы Лютовой крайне удачно подчеркивается одновременно и уникальность пути формирования русского символизма, и его внутреннее соответствие ведущим европейским, а, значит, и мировым интеллектуальным трендам той переломной эпохи.

Далеко не секрет, что в истории человечества как войны и революции, так и очень многие новаторские философские и социокультурные течения изначально формировались как некие сценарии духовных ответов, предупреждений, отповедей (или же, если угодно, проклятий) политическим, социальным, религиозным, духовно-эмоциональным или иным возможным кризисам. Вот и глубочайший, системный кризис-разлом культуры европейского континента конца XIX – начала XX столетий, прорвавшийся на поля сражений мировых войн, полигоны революционных взрывов, быстро переметнувшись и на страницы книг, газет, журналов, памфлетов и прокламаций, затем глубоко осел в омуты религиозных и псевдорелигиозных течений. К тому же, он

необычайно мощно проявил себя и «в революционных преобразованиях в искусстве, религиозных исканиях интеллектуалов, в не обманувшем их предчувствии социальных революций и мировых войн, означал не что иное, как зарождение эклектики постмодернизма в недрах едва возникшего модерна, не что иное, как переход к глобальному миру через глобальные потрясения» [Лютова 2024: 13].

Отрадно отметить, что Светлане Лютовой удалось убедительно продемонстрировать влияние концепции младосимволистов на формирование идейной платформы юнгианства. Показательно, что мифопоэтические образы Андрея Белого, Волошина и Цветаевой не только являются выдающимися результатом их религиозного интуитивизма. Они также позволяют выявить и наиболее существенные результаты эволюции русской культуры за последние два столетия. В определенном смысле именно Россия в XX веке стала духовным основанием для культурного взлета западноевропейской гуманитарной мысли, выразившегося в появлении целого ряда философских, искусствоведческих, социологических и психологических теорий, определивших ментальное лицо человечества в одно из самых кровавых столетий истории. Таково, например, творчество Андрея Белого, который «в статье «Будущее искусство» вообще понятие религиозный употребляет в качестве антонима к понятию сознательный: «Утверждение силы творчества в словах есть религиозное утверждение; оно вопреки сознанию». Тем самым в

символизме поставлен знак тождества между творческим, религиозным и бессознательным» [Лютова 2024: 15].

Светлана Лютова целиком справедливо утверждает, что между архетипической теорией и концепцией младосимволистов существует незримая генетическая связь. Последовательно опираясь на тщательный анализ корпуса мемуарной литературы, автор приходит к выводу, что преодоление культурного кризиса, по солидарному мнению представителей обоих направлений, возможно лишь посредством развития творческого воображения, способного в корне трансформировать человека и его мировоззренческие ориентиры.

С другой стороны, именно Карл Юнг впервые в XX веке вернулся к идее комплексного переосмысления язычества как архетипического фундамента сознания и культуры. А мифопоэтический язык Максимилиана Волошина и Марины Цветаевой, по сути, выступил одним из первых литературных аналогов юнгианской теории, как раз и нуждавшейся именно в таких образных средствах выражения. Поэтому, мы целиком и полностью разделяем мысль автора рецензируемой монографии о том, что само происхождение «научно структурированной аналитической психологии и её понятийного аппарата (из вдохновенного полёта символизма) в, так сказать, онтогенезе Юнга-мыслителя, кажется, произошло по схеме, усмотренной Андреем Белым в «филогенетическом» развитии человеческой мысли» [Лютова 2024: 28].

Экзистенциальные поиски смысла жизни являются ведущей архетипической темой Карла Густава Юнга, считавшего их дорогой к Самости. Тогда как сакрализация итогов жизненной эволюции выступает естественным результатом существования религиозного элемента в любом познавательном процессе, а выраженные поэтико-символическими средствами они приобретают исконно архетипическое звучание. Поэтому искусство в целом является той волшебной средой, где непрерывно оживают древние мифологические Боги и Демоны. По меткому выражению Светланы Лютовой в искусстве «древенеет» традиция, однако это никак не означает ее догматизации и консервации, наоборот, именно таким образом формируется коллективный архетипический опыт.

Автор монографии справедливо обращает внимание на то, что подлинное архетипическое преобразование «человека и человечества дано в символе, который есть пересечение внутреннего (априорного) и внешнего (апостериорного) опыта, психологической реальности и видимого мира. Цель символизма – вовсе не создание произведений искусства, но «преобразование человечества, создание новых форм» [Лютова 2024: 32].

Надо отметить, что Волошин и Цветаева своим творчеством заложили основы эстетики смыслообразования, как идеального объекта для юнгианского анализа. Поэтому, следует признать, что Светлане Лютовой удалось зафиксировать истоки целой традиции архетипической, мифосимволической интерпретации

художественного текста, вне зависимости от формы и времени его представления.

Описывая крайне сложные, поистине переломные эпохи, в которых приходилось расти, формироваться и творить Максимилиану Волошину, Марине Цветаевой и другим талантливым героям ее книги, Светлана Лютова совершенно обоснованно заключает, что как для становления одной личности, так и для формирования всей культуры, «Смыслосозидающее «поэтическое безумие» одного, если мы говорим о признанном гении, или немногих поистине одарённых ради спасения душевного равновесия большинства является социокультурным инструментом смыслообразования на уровне общины, нации, всего человечества» [Лютова 2024: 81].

Анализируя концепцию психологического политеизма, сформировавшуюся в рамках американской архетипической теории, Светлана Лютова совершенно справедливо делает акцент на длительном и сложном периоде ее становления. Указанная концепция, глубоко укорененная в многовековых традициях европейской культуры, в том числе и в трудах выдающихся мыслителей девятнадцатого столетия, особенно плодотворно разрабатывалась в грозном и кровавом XX веке. Возникающая в пелене предощущений, предмыслий и предсказаний, она нашла свое отражение в гениальных прозрениях выдающихся русских мыслителей Серебряного века.

Автор монографии специально отмечает, что для «некоторых же поэтов того времени (как символистов, так и постсимволистов)

психологический политеизм, вне зависимости от степени рефлексии оно, был «сугубой практикой», очевидной реальностью, данной в архетипическом политеизме процессов их личностного смыслообразования, которые мы, читатели, имеем возможность анализировать на основании литературного творчества таких авторов, как М. Цветаева и М. Волошин» [Лютова 2024: 99].

Отрадно, что в своей работе Светлана Лютова уделяет много внимания столь продуктивному, превосходно зарекомендовавшему на протяжении многих десятилетий архетипическому анализу литературно-художественных произведений. Закономерно обращаясь к трудам всемирно признанных столпов этого метода, автор очень метко указывает, что по мысли основоположника архетипической психологии швейцарского психолога К. Г. Юнга именно «способность к восприятию большого объема бессознательных образов роднит безумца и гения» [Лютова 2024: 99-100]. Как раз поэтому в монографии совершенно обоснованно присутствует детальный анализ вклада самого К. Г. Юнга и его ближайших последователей, таких, например, как Дж. Хиллман. Светлана Лютова четко и недвусмысленно фиксирует и тот непреложный факт, что подлинный смысл таких трепетных и специфических материй как образ, а равно как и воображение просто немислимо постичь только находясь на позициях науки.

Поскольку, в отличие от классического ученого-«препаратора» окружающего мира и всех, кто его населяет, цель

того, кто посвятил себя архетипической аналитике литературы (а еще шире, всего искусства и всей культуры), состоит отнюдь не в том, чтобы «вскрыть механизм», не перечислить (сосчитать) задействованные поэтом архетипы и обретенные им смыслы, но обнажить само дыхание, самую зыбь происходящих за текстом метаморфоз души» [Лютова 2024: 109–110].

Оригинально рассуждая об особенностях становления творческого мировоззрения М. Цветаевой, Светлана Лютова рискует предложить читателям собственное определение архетипа, которое звучит по крайней мере очень смело и во многом не лишено оснований. Хотя для самих авторов этой рецензии, которые на протяжении последних тридцати лет крайне плотно работают именно в этой области, оно местами звучит несколько непривычно. Однако для уважаемой коллеги, необычайно вдохновленной мистическими основаниями русского символизма, метафоричность современной компьютерной эпохи навеивает именно такой подход: к трактовке центрального понятия юнгианской философии: «архетип – это программа восприятия, рефлексии и поведения (одна из бесконечно многих в общечеловеческом «пакете программ»), заложенная в нас до рождения и активирующаяся по мере необходимости» [Лютова 2024:131].

Развивая идею диалектического развития творчества М. Волошина и М. Цветаевой в направлении от младосимволизма к постмодерну, автор монографии закономерно приходит к выводу о том, что подобное ментальное и жизнетворческое «путешествие»

на протяжении всей биографии этих выдающихся мастеров слова выполняет сакрально-мистическую миссию «катализатора смыслообразования» [Лютова 2024: 189].

Называя вторую главу заключительной части своей монографии «Деконструкция времени и истории», Светлана Лютова, по нашему убеждению, стремилась попрактиковаться в столь популярном в XX веке жанре психоаналитической биографии. И следует отметить, что это ей, безусловно, удалось. Подвергая психоанализу биографии М. Волошина и М. Цветаевой, автор приходит к справедливому выводу о том, что драма индивидуальных поисков смысла жизни, как правило, выражается в политеистических образах, бессознательно порождаемых человеком под влиянием социального и природного окружения. Именно посредством их интуитивной сакрализации человек получает архетипическую возможность установления магистральных путей развития собственного Я.

Как раз поэтому, разносторонний анализ, проведенный автором рецензируемого издания, является не только серьезным вкладом в отечественную культурологию и искусствоведение, но и может стать идейно-теоретической основой для понимания тайн человеческого сознания и культуры в целом. В том числе, только именно таким мистико-символическим образом раскрывается и упоминаемая Светланой Лютовой «Самотайна» личности, самости, реализующейся в процессе бессознательного своего вызревания. Самотайна неуклонного следования к мгновению финального взрыва, в котором развернется вневременье» [Лютова 2024: 462].

Необычайная трепетность, впечатленность и глубинная личностная заинтересованность, прочно опирающиеся на глубокое знание предмета исследования, в своей совокупности позволили автору этой удивительной книги создать захватывающую образно-символическую палитру Времени, Жизни и Творчества Максимилиана Волошина и Марины Цветаевой. Живописать ее на фоне пронзительной драмы Времен и Эпох, Символов и Знаков, Снов и Явей, Теней и Самостей, Взлетов и Падений, Радостей и Трагедий, Геройств и Предательств, Надежд и Разочарований, Гениев и Злодейств, Сиюминутностей и Вечностей. То есть, на фоне всего того, что и составляет символическое, вечно делящееся единство Божественного Бытия и Человеческого Времени, отведенного каждому из нас на его Познание и Прочувствование.

Литература

- Лютлова, С. Н. (2024). *Волошин и Цветаева: от младосимволизма к постмодерну: Монография*. Москва: Прометей.
- Цветаева, М. (без даты). У меня в Москве купола горят. (Стихи к Блоку). *Культура.РФ*. Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/35995/u-menyu-a-v-moskve-kupola-goryat> (дата обращения: 03.09. 2024).

Информация об авторах

Маленко Сергей Анатольевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, культурологии и социологии. Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Россия, 173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41), ORCID: 0000-0003-4828-0171, olenia@mail.ru

Некита Андрей Григорьевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социологии. Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Россия, 173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41), ORCID: 0000-0002-9254-2901, beresten@mail.ru

**REVIEW OF SVETLANA LYUTOVA'S MONOGRAPH
"VOLOSHIN AND TSVETAEVA: FROM YOUNGER SYMBOLISM TO
POSTMODERNISM"**

Sergey Malenko, Andrey Nekita

References

- Liutova, S. N. (2024). *Voloshin i Tsvetaeva: ot mladosimvolizma k postmodernu: Monografiia*. Moskva: Prometei Publ. (In Russ.).
- Tsvetaeva, M. (n.d.). U menia v Moskve kupola goriat. (Stikhi k Bloku) [My domes are on fire in Moscow. (Poems for the Block)]. *Kul'tura.RF* [Culture of the Russian Federation]. Available at: <https://www.culture.ru/poems/35995/u-menya-v-moskve-kupola-goryat> (accessed: 03.09. 2024). (In Russ.).

Author's information

Nekita Andrey Grigorievich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (41 B. St. Petersburg str., Veliky Novgorod, 173003, Russia), ORCID: 0000-0002-9254-1901, beresten@mail.ru

Malenko Sergey Anatolyevich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology. Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (41 B. St. Petersburg str., Veliky Novgorod, 173003, Russia), ORCID: 0000-0003-4828-0171, olenia@mail.ru

For citation:

Malenko, S. A., & Nekita, A. G. (2024). Review of Svetlana Lyutova's monograph "Voloshin and Tsvetaeva: from younger symbolism to postmodernism". *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 4(9), 306-318. (In Russ.). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-4\(9\)-306-318](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-4(9)-306-318)